

Валур Ингимундарсон¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АРКТИКИ И «ИДЕОЛОГИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ»

Введение

На дискуссии об Арктике, которые ведут политические элиты заинтересованных стран и средства массовой информации, большое влияние оказывает то, что Мишель Фуко назвал «идеологией возвращения»². Шаг за шагом вопросы Арктики стали частью государственной политики ряда стран и вопросами геополитического положения. В них отражены веками предпринима-

вшиеся попытки дать определение «неразработанному региону» — неизведанному, но обладающему огромным стратегическим потенциалом, учитывая природные ресурсы и влияние климатических изменений, — используя при этом утопические и антиутопические термины. Надо отметить, что арктические страны, имеющие территории в Арктике, демонстративно отрицают, что началась новая «большая игра». Также они не признают необходимость международного сотрудничества и выработки правил и инструкций о юрисдикции Арктики и доступе к ее природным ресурсам, в первую очередь нефти и газу. Однако заявления национальных элит подняли геополитические ставки в этой игре. И хотя речь не идет о расширении владений в Арктике, эти заявления касаются по меньшей мере охраны суверенных территорий и территориальных вод³.

В этом докладе я остановлюсь на различных политических интерпретациях вопросов Арктики и покажу,

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

² См.: Michel Foucault "Space, Knowledge and Power" in: *Foucault M. Power: The Essential Works* / ed. by J. D. Faubion. N. Y.: New Press, 2001. P. 359 [Мишель Фуко «Пространство, знание и власть» в кн.: Фуко М. Власть].

³ *Wezeman S. T. Military Capabilities in the Arctic // SIPRI Background Paper. 2012. Mar.* [Симон Т. Веземан. Военные возможности в Арктике : справ. публ. / Стокгольмский ин-т исследования проблем мира. 2012. Март]. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=442

как представления о прошлом все еще пересекаются с современными реалиями Арктики. Вместо того чтобы исчезнуть, исторические парадигмы претерпели изменения: утратив способность действовать как официально разрешенные и ведущие социальные и политические идеи, старые модели продолжают существовать и в настоящее время, хотя и принимают другие формы¹. Я покажу, что метавысказывания об Арктике в большинстве своем содержат отголоски имперского прошлого, а также имеют несопоставимую, хотя и взаимосвязанную историческую генеалогию: возвращение к великодержавной политике XIX века; романтический ореол идеологии «истинного» Севера, благодаря которому возвеличивается представление о том, что человек — не неотъемлемая часть природы, а высшая форма жизни, и желание захватить «нетронутую» территорию на основе суверенных прав; и вновь введенные в оборот рассуждения и методы времен холодной войны. Все эти политические рассуждения подтверждают, что построение пространства Арктики не статично, отражает характер самой территории; подвергается модификациям и переоценке. Это подтверждает и то, что подчеркивал Аллан Кокрейн, а именно: территорию не следует воспринимать как данность, которую необходимо вписать в рамки политики, а скорее как нечто, что активно формируется и изменяется в рамках политического процесса².

Определение политического устройства Арктики

Вновь возникшее внимание к геополитике Арктики отражает традиционные дихотомии сотрудничества и конфликта, а также территориального суверенитета и международного правления. Большая часть территории Арктики уже является частью юрисдикции арктических государств или их исключительных экономических зон (ИЭЗ). Остается решить морские споры между отдельными арктическими государствами и вопросы принадлежности определенной территории, простирающейся за пределами 200 морских миль экономических зон в Северном Ледовитом океане³. Легитимность нынешней системы интеграции и управления в Арктике закреплена в Конвенции ООН по морскому праву и наиболее влиятельным региональным межправительственным сообществом — Арктическим советом, который был открыт для различных национальных и транснациональных влияний, осуществляемых участниками, такими как коренные народы Арктики,

¹ *Dimitrijević N.* Justice beyond Blame: Moral Justification of (the Idea) of a Truth Commission // *Journal of Conflict Resolution*. 2006. Vol. 50. № 3. P. 371 [*Димитриевич Н.* Справедливость вне вины: нравственное обоснование (идеи) комиссии истины // *Джорнал оф конфликт резолюшн*. 2006. Вып. 50. № 3. P. 371].

² *Cochrane A.* Making up a region: the rise and fall of the South East England as a political territory // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2012. № 30. P. 95. [*Кокрейн А.* Восстановление региона: подъем и упадок юго-восточной Англии как политической территории // *Окружающая среда и планирование С: правительство и политика*. 2012. № 30. С. 95].

³ Конвенция ООН по морскому праву позволяет арктическим державам претендовать на дополнительные территории, если доказано и одобрено Комиссией ООН по границам континентальных шельфов, что определенные территории выходят за пределы их континентальных шельфов. Комиссия ООН может лишь определить размер континентального шельфа, но не наделена полномочиями решать споры между государствами.

неарктические государства и межправительственные, межпарламентские и неправительственные организации. Пять арктических прибрежных государств — Россия, Канада, США, Норвегия и Дания (Гренландия), которые претендуют на территории в Северном Ледовитом океане, а также три дополнительные арктические государства — Исландия, Финляндия и Швеция — составляют Арктический совет. Страны, входящие в Арктический совет, добились для себя главенствующего положения на основе суверенных прав и регионального присутствия. На них, однако, оказывается давление, цель которого — помочь коренным народам Арктики получить право голоса в управлении, а также добиться участия в совете таких неарктических государств, как Китай и других стран Азии, на том основании, что глобальные последствия экологической трансформации, происходящие в Арктике из-за изменения климата, выходят за рамки узких традиционных государственных и региональных интересов.

Эрнст Б. Хаас использовал термин «турбулентность», чтобы объяснить, почему так сильно отличаются представления претендентов, заявляющих права на Арктику, в ситуации, где существует множество составляющих. Каждый участник связан с другими участниками системой взаимозависимостей и в то же время преследует личные цели, которые могут быть несовместимы с целями других участников. Учитывая отсутствие определенности относительно возможных компромиссов, во многих случаях эти цели не могут быть достигнуты без сотрудничества. Структура установленного порядка не позволяет участникам как единой группе выработать систему общих интересов, поведения и добиться общих результатов⁴. «Арктическая восьмерка» имеет много общих целей, которые в основном направлены на то, чтобы сохранить их привилегированный статус в Арктике. Но в то же время они придерживаются разных мнений относительно прав участников и вопросов управления. То же самое касается других арктических и неарктических участников, в том числе коренных народов Арктики, государств, не представленных в регионе, и неправительственных организаций. Таким образом, неоднородные интересы и состав участников препятствуют созданию «окончательной» системы институтов или взаимодействию, основанному на сходимости структур, процессов и деятельности⁵. Тем не менее государственные интересы в Арктике, основанные на требованиях суверенитета, все еще преобладают над регионалистскими и межправительственными мотивами.

Борьба против идеологии возвращения

Упоминание и трактовка исторических событий в Арктике используются во внеисторических целях.

⁴ *Haas E. B.* Turbulent fields and the theory of regional integration // *International Organization*. 1976. Vol. 30. № 2. P. 179. [*Хаас Э. Б.* Турбулентные области и теория региональной интеграции // *Интернэшнл организейшн*. 1976. Вып. 30. № 2. С. 179].

⁵ *Cao X.* Global Networks and Domestic Policy Convergence: A Network Explanation of Policy Changes // *World Politics*. 2012. Vol. 64. № 3. P. 377. [*Чжао С.* Глобальные сети и сходство внутренней политики: сетевое объяснение изменений политики // *Ворлд Политик*. 2012. Вып. 64. № 3. P. 377].

Выражение «битва за Арктику» чрезмерно часто используется средствами массовой информации, чтобы указать на возможное возвращение к сырьевой геополитике: к «битве за Африку», имевшей место в XIX веке в период нового империализма. Учитывая негативные моменты, связанные с колониализмом, империализмом и милитаризмом времен холодной войны, Фуко совершенно справедливо восставал против всех стандартных форм «идеологии возвращения». Хотя вполне оправданным представляется использование прошлого с целью критики настоящего, невозможно основывать исторический анализ на следующем суждении: «Давайте вернемся в те золотые деньки, когда западные державы колонизировали Африку». Также нельзя откровенно использовать его для оправдания аннексии иностранных территорий ради собственной выгоды или идеологии мессианства, к примеру «миссия приобщения к цивилизации», что проявляется в колониальной «обязанности» Европы нести западную цивилизацию «отсталым народам». То же самое касается и доктрины предначертанности, которая легла в основу теории, появившейся в XIX веке, о том, что США суждено расширить свое влияние на весь континент Северной Америки, так как так хочет Бог. Эта доктрина позднее была заново сформулирована и послужила обоснованием «крестовых походов за идеалы свободы» по всему земному шару, которые имели место во времена холодной войны. Надо отметить, что воскрешение протекторатов и опеки иностранных территорий, в основном контролируемых западными государствами, но узаконенных Организацией Объединенных Наций и другими международными органами, такими как ЕС, НАТО и ОБСЕ, было одним из самых ярких проявлений международной системы после окончания холодной войны. Михаэль Боте и Тило Мараун признают, что такие протектораты и опека по-прежнему тесно связаны с «особыми политическими и историческими ситуациями», с традиционным вооруженным конфликтом или колониализмом. Такие вмешательства пытались оправдать — некоторые успешно, некоторые не очень, — ссылаясь на задачи Совета Безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности¹. Но, несмотря на исторические сходства и прецеденты, язык и методы были приведены в соответствие с существующей в настоящее время целесообразностью, что поставлено в зависимость от того, что «разрешено» и «выполнимо» в геополитической сфере.

Возврат к эпохе колониализма и холодной войны

«Битва за Арктику» использовалась как предупреждение против «идеологии возвращения» и необходимости поддержания устройства, основанного на сотрудничестве в Арктике. Действительно, мрачные предска-

зания о бесполезности главного межправительственного органа Арктики, Арктического совета, особенно после заседания «Арктической пятёрки», состоявшегося в 2008 году в г. Илулиссат (Гренландия), сменились рассуждениями о его главенствующей и объединяющей роли. Но ссылки на соперничество великих держав, характерное для прошлого, также имели обратный эффект, приведя к неоколониализму, хотя предполагалось, что такие упоминания послужат цели использования опыта прошлого для решения проблем современности.

В обращении к политикам США, прозвучавшем в известной статье, опубликованной в журнале «Форин эффейрз», Скотт Борджесон призвал вновь обратить внимание на Арктику и взять на себя глобальную руководящую роль с целью предотвращения вспышки в регионе «неистовой борьбы за ресурсы Арктики». Скотт Борджесон применительно к этому вопросу перефразировал ностальгическую фразу, прозвучавшую как «Отправляйся на Север, парень!». Таким образом он обращается к опыту американских переселенцев, основанному на крепкой мужской дружбе. Эта ссылка на исторические события должна была способствовать возрождению духа отваги и юношеского азарта (плюс подразумевающиеся возможности личного обогащения), который ассоциируется с ролью первопроходца и участника проекта по заселению новых территорий. Таким образом были проведены параллели между Арктикой и колонизацией американского Запада: и то, и другое представляется как амбициозная и благородная цель для молодых людей. В этих исторических повествованиях, конечно, не упоминается угнетение расовых меньшинств в результате переселения первопроходцев. И применительно к современности, как и следовало ожидать, миллион «коренного населения», проживающего в Арктике, просто не упоминается. Но ссылки на прошлое явно указывают на актуальность таких колониальных рассуждений в представлениях прагматиков, рассуждающих об Арктике. Аналогичным образом, давая оценку будущим стратегическим разработкам в своем недавнем выступлении, Бари Скотт Зеллен говорит об использовании схем времен холодной войны применительно к Арктике. Он утверждает, что «арктическая весна» потенциально может способствовать трансформации Арктического бассейна «подобно тому, как Пражская весна имела все возможности открыть Чехословакию для Запада и способствовать ее интеграции с Западом...»², и продолжает: надежда, которая нашла отражение в Пражской весне, хотя и не сбывшаяся в 1968 году, воплотилась в «бархатной революции» 1989 года. Такие надуманные аналогии, надо признать, выглядят скорее забавно, чем серьезно, но опять-таки свидетельствуют об актуальности метафор холодной войны в настоящем.

¹ См.: *Bothe M., Marauhn T.* U. N. Administration of Kosovo and East Timor: Concept, Legality, and Limitation of Security Council-Mandated Trustee Administration // *Kosovo and the International Community: A Legal Assessment* / by ed. C. Tomuschat. L. : The Hague ; N. Y. : Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 219. [*Bothe M., Marauhn T.* ООН. Управление Косово и Восточным Тимором: концепция, законность, ограничение администрации, получившей полномочия от Совета Безопасности // *Косово и международное сообщество: юридическая оценка* / под ред. К. Томуша].

² *Zellen B. S.* Stability and Security in a Post-Arctic World: Toward Convergence of Indigenous, State, and Global Interests at the Top of the World // *The Fast-Changing Arctic: Rethinking Arctic Security for a Warmer World*. Calgary, Alberta : University of Calgary Press, 2013. P. 343. [*Зеллен Б. С.* Стабильность и безопасность в постарктическом мире: к единству интересов коренных народов, государства и мира // *Стремительно изменяющаяся Арктика: переосмысление безопасности Арктики для более теплого мира*].

Рассуждения об Арктике в Канаде также основаны на мифах об очаровании Севера, политике идентичности и силовой политике. Во-первых, они сосредоточены на особенностях идентичности канадского «истинного Севера», что служит средством отмежевания от Соединенных Штатов. Действительно, канадцы и американцы продолжают «соглашаться, что у них нет согласия» по вопросу Северо-Западного прохода, который, по мнению Канады, принадлежит ей, в то время как Соединенные Штаты считают его международным морским путем. Но для Канады этот легендарный проход стал источником исторических и эмоциональных мифов о границе. В XIX веке известная британская экспедиция, пытавшаяся отыскать его, окончилась смертями и лишениями, так как члены экипажа кораблей считали себя представителями цивилизации Викторианской эпохи, поэтому гордость не позволила им просить о помощи эскимосов. Пытаясь противостоять «идеологии возвращения», канадское правительство предприняло попытки сотрудничать с эскимосами и использовало их в качестве проводников по канадской Арктике. В крайних проявлениях рассуждения о территориальных границах Канады граничат с «навязчивой идеей суверенитета». Примером этому может служить часто цитируемое замечание премьер-министра Канады о государственном контроле прохода через Канадский арктический архипелаг: «Пользуйся им — или потеряешь». В этом проявляется то, что Франклин Гриффитс назвал «опасения за собственность»¹, что заставляет Канаду удерживать Соединенные Штаты на расстоянии вытянутой руки, когда речь заходит об Арктике, а также с большим подозрением относиться к России, которая имеет наибольшие права на богатства Арктики. Однако, как отмечает П. Уитни Лакенбауэр, хотя Канада и критично относится к российской риторике об Арктике, она практически зеркально отображает ее.

Внешние реалии могут создаваться и воссоздаваться независимо от того, соответствуют ли они геополитической логике, научной хронологии событий, в том числе изменениям климата и открытию морских путей. Хотя установка флага российской экспедицией на Северном полюсе в 2007 году преследовала преимущественно политические цели, этот акт оказал огромное влияние на других участников — на страны, имеющие территории в Арктике. Этот акт вызвал мощную националистическую реакцию в Канаде, ускорил разработку директивы президента США по Арктике и способствовал инициативам, выдвинутым во время встречи «Арктической пятерки» в г. Илулиссат. Можно утверждать, что установка флага была случаем «идеологии возвращения». Этот акт был воспринят не только как символический геополитический подвиг, но и как научный прорыв. «Это как установить флаг на Луне», — как выразился один из представителей России². Такие высказывания вызывают в памяти другие дискуссии о соперничестве сверхдержав и завоевании космоса в 1950–1960-х годах. Как заявил Джон Ф. Кеннеди в своей речи: «Мы стоим на краю новой границы — границы

неосуществленных надежд, границы неизведанных возможностей и понимания опасности. За этой границей находятся неисследованные области науки и космоса, нерешенные проблемы войны и мира, непобежденные проблемы невежества и предрассудков, вопросы бедности и капитала, до сих пор остающиеся без ответа»³.

Решение России возобновить полеты бомбардировщиков в Североатлантическом регионе и в других точках (практика, которая была прекращена после распада Советского Союза) объяснялось желанием восстановить, в символической форме, военную доблесть России и обозначить ее геостратегические интересы в таких регионах, как Арктика. Как и во времена холодной войны, за этими полетами внимательно следили (или) сопровождали отдельные страны НАТО. На первый взгляд в этих полетах бомбардировщиков и патрулировании воздушного пространства странами НАТО заключается связь между прошлым времен холодной войны и будущим Арктики. И все же, хотя эти действия символичны и повторяют прошлое, они не представляют собой «идеологию возвращения». Западные страны не рассматривают стратегическую авиацию России как угрозу их территории, хотя эти полеты и действуют на некоторых как раздражитель. В то же время это еще раз подчеркивает двойственные представления Запада о России. По словам Шанталь Муфф: «Приходится признать, что идея о политическом сообществе, в которое войдут абсолютно все, никогда не осуществится. Всегда будет существовать некая “внешняя составляющая”, внешняя часть этого сообщества, что является неременным условием самого существования такого сообщества. Если принять точку зрения о том, что не может быть “мы” без “они” и что все формы консенсуса непременно основываются на актах изоляции, то больше нельзя всерьез рассматривать создание сообщества, в которое войдут все и в котором исчезнут вражда, раздоры и конфликты»⁴.

Как и некоторые другие арктические государства, Дания борется с наследием колониальной эпохи и времен холодной войны в Гренландии. Ключевой вопрос заключается в том, какие мотивы стояли за датской политикой в Гренландии: желание обеспечить социальное и экономическое благополучие гренландцев или попытки восстановить альтернативную форму колониальных взаимоотношений во имя национальной истории, традиций и престижа, учитывая факторы холодной войны, деколонизации и арктической геополитики⁵. Датчане обязаны будут уважать суверенитет Гренландии, если гренландцы решат отделиться от Королевства Дания. Хотя у Гренландии имеется потенциал для того, чтобы стать независимым государством, учитывая ее природные ресурсы, гренландцы представляют собой маленькое сообщество, состоящее

¹ Griffiths F. Towards a Canadian Arctic Strategy / Canadian International Council. URL: http://www.canadian_internationalcouncil.org

² См.: The Guardian. 2007. 2 Aug. [Гардиан. 2007. 2 авг.].

³ Речь Джона Кеннеди на общем собрании национальной демократической партии. Официальное заявление о согласии баллотироваться в президенты. Лос-Анджелес, 1960.

⁴ Mouffe C. The Return of the Political. L.: Verso, 1993. P. 85. [Муфф Ш. Возвращение к политическому. С. 85].

⁵ См.: Olesen T. B. Between Facts and Fiction: Greenland and the Question of Sovereignty // New Global Studies. 2013. Vol. 7. № 2. P. 117–128. [Олесен Т. Б. Между фактами и вымыслом: Гренландия и вопрос суверенитета // Нью Глобал Стадис. 2013. Вып. 7. № 2].

из 57 тыс. жителей, так что их возможности контролировать огромную территорию значительно ограничены. Тем не менее отмечается растущее желание политической элиты Гренландии дистанцироваться от Дании. Уже довольно долгое время существует особая схема, носящая имперский характер, отношений Дании и Гренландии. Эта система носит колониальный и неоколониальный характер, в то время как официально звучат заявления о модернизации, интеграции и взаимозависимости. Прежде эта система держалась на трех китах: «моральный долг» помочь гренландцам получить доступ к системе социального обеспечения, либеральной экономике и технической базе; желание, декларируемое политической и культурной элитой Гренландии, получить помощь от Дании и заинтересованность Дании в сохранении власти над Гренландией¹. Остается открытым вопрос о том, примет ли Гренландия в ближайшей или среднесрочной перспективе решение о полной независимости от Дании на основе оговорки о независимости, содержащейся в Акте о самоуправлении. Но независимо от результата противоречие между западными разговорами о модернизации и тенденциями к независимости у коренных народов остается характерной чертой датско-гренландских отношений.

Одержимость норвежцев Шпицбергом или Свальбардом — и их особое место в культурных представлениях — является примером исторической идеализации того, что норвежцы называют Крайним Севером в сочетании с территориальными амбициями и силовой политикой². Норвежцы проводят целенаправленную работу против того, что они считают попытками делегитимизации, противоречащими их видению власти Норвегии над Шпицбергом. Противоречит их точке зрения мнение, что равные права на осуществление мирной экономической деятельности сторонами Шпицбергского трактата 1920 года распространяются на континентальный шельф, а также отказ признать законность установленной Норвегией рыбоохранной зоны в 200 милях близ территории Шпицбергена. Стратегия Норвегии на Крайнем Севере представляет собой наглядный пример: в ней предлагается «гибкая» политическая интерпретация Крайнего Севера. Согласно этой стратегии территория Крайнего Севера охватывает и Северную Атлантику, и Арктику. Географически она охватывает область, простирающуюся от Баренцева до Гренландского моря. С политической точки зрения, однако, это выдает амбициозный план, касающийся в том числе и отношений Норвегии с соседними государствами, такими как Швеция, Финляндия и Россия; сотрудничества северных стран; отношений с США и Канадой в Арктическом совете и связей с Европейским Союзом как с частью северного измерения

¹ *Nielsen K. H.* Transforming Greenland: Imperial Formations in the Cold War // *New Global Studies*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 129–154. [*Нильсен К. Х.* Трансформация Гренландии: имперские предпосылки Холодной войны // *Нью Глобал Стадис*. 2013. Вып. 7. № 2].

² По вопросу стратегии Норвегии на Крайнем Севере смотрите два правительственных доклада: “*Regjeringens nordområdestrategi*” [Стратегия правительства на Крайнем Севере] (Осло, Министерство иностранных дел Норвегии, 2006); “*Nordområdene: Visjon og virkemidler*” [Крайний Север: видение и меры] (Осло, Министерство иностранных дел Норвегии, 18 ноября 2011 г.).

(вместе с Исландией и Российской Федерацией)³. Словом, эта стратегия отражает всеобъемлющий подход, в котором пересекаются разнообразные национальные интересы и транснациональные процессы, например экологические, юридические вопросы и проблемы рыболовства с геополитикой и эксплуатацией природных ресурсов. Но если снять все эти внешние слои, преимущественно останется только силовая политика: отношения с Россией, а также нефть и газ в Арктике.

Исландские дискурсы об Арктике также представляют собой укоренившиеся исторические мифы, в которых прошлое используется для создания жизнеспособных политических интерпретаций в настоящем. Упоминание термина «Арктическое Средиземноморье», придуманного исследователем Вильялмуром Стефансоном, используется для описания утопических материалистических возможностей, которые основаны на будущих открытиях новых морских путей и трансарктической торговли, которая станет возможна в результате таяния снежного покрова Арктики⁴. Так, официальные лица Исландии выдвинули, изменили формулировки и сменили оформление идей, высказанных Стефансоном в начале XX века, о действующих круглый год торговых морских маршрутах, проходящих поблизости от Арктики: с портами, военно-морскими станциями и метеорологическими станциями на стратегически расположенных островах. Согласно этому сценарию, который был обработан, чтобы соответствовать изменившимся моделям мировой торговли и связи Северной Атлантики с Тихим океаном, Исландия готова стать трансарктическим узлом — центром по приему, распределению и перегрузке — в результате климатических изменений. Все это является частью игры политической расстановки сил. В этом отражается ностальгическое желание благодаря географической близости стать частью Арктического клуба и цепко ухватиться за место, имеющее стратегическое значение, геополитический интерес и экономический потенциал.

Заключение

Имеются серьезные основания рассматривать такие регионы, как Арктика, в относительных терминах, отражающих взаимодействие между участниками процесса, имеющими свою часть территории и не имеющими таковой; нецелесообразно рассматривать такие регионы, как фиксированные и автономные географические единицы. Действительно, региональные поведенческие определения, которые выходят за рамки географических объектов и территорий, — напряженность, политический порядок

³ *Стёре Й. Г.* Исландия и Норвегия — соседи на Крайнем Севере : речь в Университете Исландии, 3 ноября 2008 г. URL: http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/Whats-new/Speeches-and-articles/speeches_foreign/2008/iceland-and-norway--neighbours-in-the-hi.html?id=534706

⁴ См.: *Fyrir stafni haf. Tækifæri tengd siglingum á norðurlóðum* [Океан впереди: возможности, связанные с судоходством в Арктике] / Мин-во иностранных дел Исландии. Рейкьявик, 2005 ; *Ísinn brotinn: Þróun norðurskautssvæðisins og sjóflutningar, horfur í siglingum á Norður-Íshafsleiðinni* [Сломанный лед: изменения в Арктике и морской транспорт; перспективы судоходства в Арктике] / Мин-во иностранных дел Исландии. Рейкьявик, 2006 ; *Ísland á Norðurlóðum* [Исландия и Арктика] / Мин-во иностранных дел Исландии. Рейкьявик, 2009.

и отношения формируют и изменяют структуру региона. Таким образом, как географическая единица, Арктика не должна восприниматься исключительно в контексте региональной интеграции, взаимозависимостей государств, межгосударственных или глобальных процессов. В ней находит отражение неординарный комплекс этих факторов. Однако следует учитывать, что существующая в настоящее время многосторонняя структура Арктики основана на различных типах открытых и скрытых иерархий, в которых отражаются отличия государственного устройства стран, имеющих интересы в Арктике. Изображение Севера как крайне актуальной материально-сырьевой базы не выходит за рамки различных концепций безопасности периода, последовавшего за холодной войной, а суверенные интересы, такие как территориальные претензии и заявленные права на ресурсы, смешиваются с межгосударственными процессами, такими как изменения климата и международное управление. Но противоречивые исторические и колониальные позиции, которые я привел в этой статье, преследуют важную цель — узаконить государственные интересы в Арктике. Некоторые призывают к «идеологии возвращения», в то время как другие отражают различные государство-центричные материаль-

ные устремления. Безусловно, эти проекты не исключают международного управления и не угрожают существованию таких структур, как Арктический совет. Во время встречи в г. Илулиссат в 2008 году пять прибрежных государств Арктики подтвердили свою приверженность международным нормам в вопросах, связанных с территориальными претензиями вне границ исключительной экономической зоны (ширина района которой не может превышать 200 миль)¹. А приглашение неарктических государств принять участие в работе Арктического совета в качестве наблюдателей в 2013 году свидетельствует о признании того факта, что субъекты (такие как Китай) могут отказаться от участия в Арктическом совете и сосредоточиться исключительно на двусторонних отношениях с отдельными арктическими государствами, преследуя таким образом свои экономические и политические интересы. Но в конечном счете происходящее в настоящее время геополитическое маневрирование в Арктике касается в основном политики идентичности — вовлеченности и изоляции, согласно которой государства и организации подразделяются в зависимости от их мощи и легитимности на те, что находятся в составе сообщества, и те, что находятся вне его.

¹ Например, см.: Декларация. Илулиссат : подписана арктическими государствами на Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана в г. Илулиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 г. URL: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Iluissat_Declaration.pdf